

Храм Да Сянь представлял собой типичный сикэйюань — четырёхсторонний двор с главным залом и симметричными боковыми флигелями.

Располагался он в северо-западном углу всего уездного управления, а «великий божественный дух» (Да Сянь), которому здесь поклонялись, был Лисий дух.

Причина, по которой здесь был устроен именно такой храм, заключалась в том, что в древности лисы считались тотемным божеством воров. Поэтому в уездном управлении специально устроили храм Да Сянь — чтобы защитить имущество управления от краж и утратить воров! Такой храм служил одновременно и защитой, и предупреждением.

Но зачем же им сюда приходиться? Тем более что в самом храме Да Сянь кто-то даже жёг благовония!

Более того, это была женщина!

Юань Дао почувствовал неловкость, но не осмеливался ни пикнуть, ни послушаться.

И тут из храма вышла женщина: у нее была прическа «чжуэй ма цзи» («падающий конский хвост»). На голове красовалась нефритовая шпилька в виде орхидеи и подвесная серёжка-заколка с жемчужинами, украшенная мотивом «радость на бровях».

Одета она была в алый жакет и юбку. По ткани тёмно-коричневыми шёлковыми нитками были вышиты изящные, но мощные ветви деревьев, а алыми нитками — распутившиеся цветы сливы, которые тянулись от подола юбки вплоть до пояса.

Женщине было лет тридцать шесть-тридцать семь. Лицо её было изящным, видно было, что она накрашена, но, несмотря на макияж, кожа выглядела бледной, а во взгляде читались усталость и безысходность.

Рядом с ней шла старшая служанка, поддерживая её под руку, а за спиной следовали две крепкие няньки в одежде из тонкого хлопка, с простыми серебряными шпильками в волосах — вид у них был деловитый и сильный. Позади их ещё две маленькие служанки, лет одиннадцати-двенадцати, с простыми хвостиками и в нежно-розовых платьях.

В руках у девочек были корзинки с благовониями, свечами и ритуальной бумагой — явно пришли именно для того, чтобы совершить подношения.

Увидев Вэнь Жуна, дама оживилась:

— Вы, должно быть, господин Вэнь Жунь, учёный Вэнь?

— Госпожа! — Юань Дао и его спутники торопливо поклонились.

— Мм, — кивнула дама.

Юань Дао поспешил представить:

— Учёный Вэнь, это супруга уездного начальника.

— Ученик приветствует вас, — Вэнь Жунь учтиво сложил руки в поклоне. Его вежливость и воспитанность явно понравились жене уездного начальника.

Та уже собралась было заговорить:

— Учёный Вэнь, мой муж вызвал вас сюда потому, что...

Но в этот самый момент грубый мужской голос резко перебил её:

— Госпожа! Старший юноша плачет в заднем зале!

— Разве старший юноша не занимается чтением? Почему он плачет в заднем зале? — Супруга уездного начальника была женщиной умной и не той, кого легко обмануть парой слов. Чтобы управлять внутренними покоями уездного начальника так гладко и чётко, она явно не была простой домохозяйкой.

— Учёный Вэнь, я хотела сказать вам... — снова начала она, но в этот момент подошёл тот самый человек и громко произнёс:

— Госпожа!

Тон его был крайне невежлив.

Юань Дао и остальные поспешно поклонились:

— Господин Мао, советник!

— Мм, ступайте, — сказал советник Мао. — Я сам провожу учёного Вэня к господину уездному начальнику. Вы можете уходить.

Советнику Мао было за сорок. На нём был длинный халат из тёмно-синей шелковой ткани, пояс — небесно-голубого цвета, обувь — чистые, почти новые хлопковые туфли. В руке он

держал складной веер.

Голова у него была кругловатая, лицо — полное, короткая бородка, а глаза сверкали хитростью и проницательностью — сразу было видно, что перед вами человек с характером и решительностью.

Самое главное — он совершенно открыто, при всех, не давал никакого уважения жене уездного начальника и вёл себя крайне грубо и властно.

К тому же он немедленно захотел увести Вэнь Жуна.

Вэнь Жунь даже растерялся от такого поворота.

Тем временем глаза супруги уездного начальника наполнились слезами:

— Господин Мао, неужели всё так серьёзно?

— Госпожа! Это дело касается будущего самого господина уездного начальника! — вспыхнул советник Мао. — Если мы не справимся, все многолетние труды господина пойдут прахом! Всё обратится в ничто! И не только вам, но даже вашим старшему и второму сыновьям будет закрыт путь на императорские экзамены! Всему вашему роду на три поколения вперёд не видать никаких надежд!

— Неужели всё так плохо? — супруга уездного начальника была потрясена, искренне испугавшись.

— А вы как думали? — с раздражением воскликнул советник Мао. — Прибыл сам уездный инспектор образования, да и сам префект лично следит за этим делом! Если мы не сумеем уладить всё как следует, то всем, от верхов до низов, несдобровать! — Лицо его выражало крайнюю тревогу и растерянность. — Госпожа, лучше вам вернуться. Вам лучше не вмешиваться в это дело — так хоть сохранится немного супружеской привязанности. А если всё пойдёт совсем плохо...

Он не договорил, вероятно, потому что при посторонних не хотел раскрывать подробностей.

Но лицо супруги уездного начальника побледнело настолько, что даже румяна и пудра не могли скрыть её смертельной бледности.

— Тогда я, пожалуй, сначала вернусь, — неохотно сказала супруга уездного начальника и, колеблясь, развернулась, уйдя вместе со своей свитой.

Вэнь Жунь посмотрел на советника Мао. Он помнил этого человека — его прежнее «я» уже

встречалось с ним. Говорили, будто советник Мао был самым доверенным и любимым помощником самого уездного начальника.

— Учёный Вэнь, прошу сюда, — вздохнул советник Мао, но больше ничего не сказал и повёл Вэнь Жуна за собой.

На этот раз шли только они двое. Выйдя из храма Да Сянь, они направились на юг — к «Цзыбу чжай» («Палате размышлений о восполнении»).

Как ясно из названия, «Цзыбу чжай» — это место, где уездный начальник размышлял о своих ошибках и искал пути их исправления.

Здесь уже не было привычной структуры сикэйюаня. «Цзыбу чжай» состоял из двух симметричных зданий — северного и южного, всего четыре комнаты: две — служебные («цюньфан»), и две — кабинеты для чтения и учёбы. Между служебными помещениями и кабинетами был соединительный арочный проход.

Служебные помещения («цюньфан») использовались чиновниками уездного управления для работы, а кабинеты — для чтения, учёбы и изучения документов самим уездным начальником.

В «Цзыбу чжай» также висел большой «колокол предостережения», напоминающий уездному начальнику и всем чиновникам об их долге служить народу!

Продолжая путь на юг, они дошли до «Сюйшоу тан» («Зала скромного принятия»).

«Сюйшоу тан» — это место, куда уездный начальник приходил, получив похвалу или награду от вышестоящих властей, чтобы поразмыслить: достоин ли он этой чести, не чувствует ли стыда перед милостью и почестями, оказанными ему начальством.

Двери зала были закрыты, так что изнутри ничего не было видно.

«Сюйшоу тан» был самым минималистичным постройкой во всём управлении, но имел свою особенность: на входе висела пара парных надписей (дуйлянь):

«Скромный, как бамбук, чьи листья склоняются вниз;

Гордый, как слива, чьи цветы не поднимают лица вверх».

Вэнь Жунь понимал: он почти дошёл до конца центральной оси уездного управления.

Справа от неё располагались основные постройки: тюрьма, кухонный двор, жилые покои

уездного начальника и задний сад.

Старик Чжан как-то упоминал, что к северу от тюрьмы находится кухонный двор («чжу юань»), и само название уже намекало на некую тайну.

Действительно!

Этот «кухонный двор» тоже представлял собой четырёхсторонний двор (сикэйюань). Он был достаточно велик и выполнял множество функций, поэтому назывался именно «двором», а не просто «кухней».

Здесь здания делились на собственно кухню и дровяной сарай («хо фан»).

Кухня — это место приготовления пищи, а «хо фан» — помещение для хранения дров.

В древности готовили исключительно на дровах, поэтому кухню и дровяной сарай строили рядом, причём топка печи находилась прямо в дровяном сарае.

Напротив кухни и дровяного сарая стояли два обеденных зала друг против друга — из-за своего расположения их называли Восточным и Западным обеденными залами.

Прежнее «я» Вэнь Жуна, после того как он сдал экзамены и стал суйцаем (учёным-кандидатом), однажды обедал здесь, в уездном управлении.

Восточный обеденный зал предназначался для уездного начальника, его семьи и советников, а Западный — для всех остальных. В древности при распределении мест за столом восток считался местом почёта, поэтому Восточный зал был для господ, а Западный — для прислуги и младших служащих.

Пройдя мимо кухонного двора, они вышли к жилым помещениям уездного начальника («чжисянь чжай цюньфан»). Сам особняк уездного начальника тоже был построен по типу сикэйюаня и служил домом для него самого, его жены и детей. Эта часть делилась на восточные и западные флигели.

А за особняком, как говорили, начинался задний сад уездного управления.

Чем дальше шёл Вэнь Жунь, тем сильнее его одолевало чувство тревоги. Ведь, по идее, уездное управление не должно заниматься всем подряд. Например, прямо у ворот управления стояла «Пагода разъяснений» (Шэньминь тин), где разбирались мелкие споры и объявлялись указы...